

РИМЪ
ЭДЕЛЬШТЕЙН

**НОЧЬЮ ТРИДЦАТЬ
ПЕРВОГО ОКТЯБРЯ**

Римъ Эдельштейн Ночью тридцать первого октября

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69863005

SelfPub; 2023

Аннотация

Парень от безысходности устраивается работать сторожем в ночную смену на склад, но ящики с вещами хранят в себе не только пыль, но и свою страшную тайну. С наступлением темноты в последний день октября ему на свет сторожевого фонарика явится то, что скрывалось всё это время.

Римъ Эдельштейн

Ночью тридцать первого октября

Ветер завывал со страшной силой, и всё усиливался. Гул его нарастал, как гул двигателя самолёта, набирающего высоту. Что-то жалобно дребезжало, позвякивало. Хлопал ставень большого окна – с невероятным упрямством. Порывы его распахивали, а потом жестоко захлопывали. И так повторяли раз за разом... Стекла в этом окне не было очень давно – его разбила оголтелая ребятня ради сиюминутного удовольствия... Казалось, в темноте здания – длинного и крайне мрачного – топали шаги. Тот, кто шёл, будто замирал, прислушивался, а потом снова топал сюда...

Слабая электролампочка покачивалась из стороны в сторону, но световой круг был от неё настолько мал и слаб, что Геннадий не сдержался и включил свой небольшой фонарик, направив его луч в сторону повторяющихся звуков... Луч ухнул в черноту, натываясь на прямоугольные и квадратные ящики, уставленные у стен. Некоторые стояли друг на друге. На каждом из этих ящиков виднелись громоздкие проржавевшие замки.

Янович как-то хрипло хмыкнул, будто обращая на себя внимание Геннадия. Он ходил желваками и оцениваю-

ще оглядывал сухого однорукого парня с небольшим фонариком, что вглядывался в темноту большого склада, силясь рассмотреть мнимых нарушителей. Узкое и встревоженное лицо его красноречиво передавало все аховые эмоции, зияющие у него внутри.

– Тут подростня бегают, – пояснил Янович с извиняющимися нотками в голосе. – Просто топни ногой, рвякни! Они обдрищутся и утекут отсюда. Но это тогда, когда совсем потёмки настанут... Пока ещё вечер. Сегодня – вообще караул! Особенный день.

– Что в нём особенного?

– Ты разве не знаешь? Тридцать первое октября же. Хэллоуин, как говорит молодёжь. А по мне так... Последний день месяца, и всё.

Геннадий передёрнулся, но посмотрел на Яновича с явным недоверием. Этот крайне высокий парень выглядел так, будто ему хотелось быть где угодно, но только не здесь. Янович же пообщался с ним недолго, но и этого общения ему хватило, чтобы понять: Геннадий пошёл ночным сторожем на склад только лишь от безысходности. На своей прошлой работе – металлургическом заводе – он лишился правой кисти, и теперь не мог найти нормальную работу... Янович сам знал, что ночными сторожами к нему на склад просились лишь алкаши одни, а этот парень не потерял ясного взгляда.

– А что в ящиках? – спросил натянуто новый сторож, и Янович даже почесал затылок. Он уже отвечал на этот во-

прос, но, видимо, парнишка совсем перетрухал.

– Чучела, я же уже объяснял, – ответил Янович. – Большая партия от охотничьего сообщества. Конечно, не только чучела... Черепа, кости. Шкуры тут точно нет... Это только зимой, иначе попортятся... Никто, конечно, серьёзный на склад не полезет – тут же не алмазы лежат, в ящиках-то... Но вот подростня-то эта... Как они называются? Которые везде бегают, лазят...

Геннадий не знал, как они называются, но подробности про кости и черепа его напугали.

– И это всё надлежит продать... – продолжал Янович, которого, его знакомые, с колоссальной вероятностью, называли «Яныч». – А я им уже заколебался объяснять – ну кому я это смогу продать сейчас?! Тут же провинция, кто это покупать-то будет?! Кто будет из этого делать себе обереги? Или просто... Для красоты. Поставить бы в уголок чучелко красивое... Да, парень? И любоваться...

Любоваться Геннадий не хотел. Уж чучелами – точно. Ему бы сейчас собрать денег, чтобы расплатиться за квартиру, которую он снимал у сварливейшей бабки – седой и рябой. Она требовала деньги день-в-день, без всяких опозданий, и каждый раз грозила ему выселением.

«Запомни! – говорила она, поднимая кверху скрюченный старческий палец, чтобы подчеркнуть важность своих слов. – Если не будет платы, не будет и жилья! И мне всё равно, что у тебя случилось. Мне никто не помогает. Почему

я должна помогать тебе?»

И Геннадий не спорил с этой простой истиной. Он терпеливо работал сторожем, то в одном месте, то в другом. Разумеется, его девушка, с которой они были три года вместе, поспешила с ним расстаться, чтобы найти кого-то получше...

Геннадий и не возражал. Он и ранее себя определял человеком стойким и не ныл по пустякам. И не по пустякам тоже. В детстве он представлял себя пиратом с крюком вместо руки, но никак не мог даже предположить, что в его жизни наступит возможность по-настоящему обзавестись крюком вместо руки.

Больше он никуда не мог устроиться – только сторожем, да и то в такие места, где и охранять-то ничего особо не надо. Когда он пришёл днём на этот склад, гнездящийся серым и унылом бараком подле железнодорожных путей, он не показался ему пугающим. Янович сразу взял его на работу, оглядев своими желтоватыми белками. Он не стал настаивать на разговоре по душам, на объяснениях, на чём-то ещё.

«Тыщу буду платить, – сказал он просто. – Ночь тут отсидишь, я в семь утра приду и заплачу. Дождусь сменщика твоего. Устраивает?»

Геннадия это устраивало – другого выхода всё равно не было.

«Ходи, пока не надоест. Как забухаешь и не выйдешь, я пойму, что тебе это больше не надо. Если вдруг что – я в каморке вверх по склону... Маленькое синее зданьице. При-

ходи, стучи. Я тут живу».

Янович напоминал человека, который сам устал от своей работы, но не мог её сменить, не мог от неё избавиться. Он был похож на пса, привязанного к будке. Геннадий опасался, что он мог сам превратиться в такого человека, но другого пути, судя по всему, у него не имелось. Янович, наверное, был трудоустроен кладовщиком.

Сегодня у него предстояла первая смена – и поздним вечером этот склад превратился в ужасного и скрипучего монстра, здоровенного, наполненного жизнью. Порывы ветра оживили его – только окно яростно стучало и хлопало, а огромная железная дверь надсадно скрипела. На ней было выведено только лишь одно чёткое слово – СКЛАД. Хотя первые три буквы изрядно потускнели от времени, надпись ещё читалась.

Янович пошёл на выход, подхрамывая. Он не оглядывался и больше ничего не говорил, поспешив оставить Геннадия одного. Дверь ужасающе снова закрипела, отчего новоиспеченный сторож вздрогнул всем своим естеством. Работодатель растворился в мрачной черноте позднего вечера.

Темнота почти обступила его со всех сторон, но фонарик в руке не позволил ей сомкнуться... Да и тусклая лампочка продолжала светить. Это вселяло надежду, и Геннадий успокоился, решив прошвырнуться по складу.

Он медленно пошёл вперёд, стараясь не запнуться ни обо что, не упасть... В голову полезли всякие неприятные мыс-

ли. Например, Геннадию подумалось, что, если он упадёт, то, непременно, наткнётся на отрубленную голову лося с остекленевшим взглядом, а ладони его наткнутся на что-то липкое и красное.

По ночам гнетущие и пугающие мысли имеют особенную силу, проникают в самую сердцевину сознания омертвевшими пальцами и начинают там рыться.

Дверь опять заскрипела, и Геннадий мгновенно направил туда луч фонарика. Тот панически запрыгал по сторонам, но никакой «подростни» там не оказалось. Да и вообще никого, чёрный прогал с завывающим ветром.

Сегодня случилась настоящая октябрьская буря, и снег, мешающийся с ветром, покуда был мокрым. Он то слабел, то усиливался...

Геннадий знал, что впереди – целая ночь. Сидеть в углу и ждать рассвета – очень плохой вариант.

«Если только нарисовать мелом круг. И сидеть в нём», – машинально подумалось сторожу, и он опять вздрогнул, пытаясь отогнать наваждение.

От пресловутой «подростни», ночами шарящей по полузаброшенным складам и больницам, он точно не спасёт. А больше спастись не от кого. Если только от собственного сумасшествия.

Геннадий прошёлся по складу несколько раз, вздрагивая и прислушиваясь... Ветер выл, ставень хлопал, а дверь скрипела. Лампочка же покачивалась, но светила непрерывно. В

какой-то момент сторожу захотелось издать хоть какой-нибудь звук, чтобы заявить о себе, отпугнуть от себя потенциальных грабителей или... Или кого похуже ещё.

В какой-то момент он всё же споткнулся об один из длинных ящиков. Замок на нём оглушительно звякнул, а удар ботинка разнёсся по тихому складу очень звучно, заставив сердечко заколотиться учащённо.

Геннадий, почувствовавший перед этим некую сонливость, встрепенулся, направляя свет перед собой. Взгляд его заползал по тёмно-зелёной шершавой поверхности ящика. Никаких надписей.

«Чучела... Кости... Кому я их продам?»

Голос Яновича прозвучал в голове с пугающей ясностью, будто тот стоял за спиной, и Геннадию даже пришлось оглянуться – никого.

Время – так или иначе – неумолимо текло дальше. И настала полночь. Сторож очень продрог, хоть и был в коричневой куртке, но обнаружил себя сидевшим между двумя ящиками и крепко зажимавшим в руках фонарик. Всё-таки тревожный сон настиг его, едва он смог присесть – ходить всю ночь по тёмному складу оказалось очень трудным заданием...

Ветер по-прежнему завывал, но с меньшей силой. Тишина, навалившаяся на сторожа и на весь склад, показалась очень уж тревожной и непривычной. Дверь не скрипела и ставень не хлопал... Только ветер шумел.

Лампочка, практически бесшумно раскачивающаяся всё это время, лопнула с ужасающим выстрелом, отчего Геннадий даже вскрикнул. Он подскочил на ноги, и луч его фонарика в очередной раз запрыгал по помещению... Темнота сгустилась внезапно – оказалось, что лампочка давала довольно много света.

Паника сдавила сердце сторожа.

– Возьми себя в руки, – скомандовал сам себе он вслух, и голос ему показался чужим.

Ветер начал стихать в этот момент – сторож прислушался, ничего не мог с собой поделать. Чисто механически. И услышал шаги – отчётливо. Не так, как слышал до этого – в галиматье звуков, в вое ветра и скрежете двери. Нет, кто-то шёл к нему. Но не хромал, как Янович. Быстрыми, торопливыми шагами. В практически полной темноте – луч маленького фонарика заскакал в дрожащих руках, пытаясь отыскать обладателя шагов.

«Подростня... Топни, рывкни», – вспомнились ему слова Яновича.

– Пошли отсюда! – громко сказал Геннадий, и тут же пожалел. Голос его прозвучал слабо. Он дребезжал, как посуда в вагоне поезда.

Шаги и не думали утихать, приближались. В любой момент Геннадий рисковал увидеть выхваченное из темноты обглоданное лицо жуткого монстра, чей язык вывалился, а кривые когтистые руки тянулись к нему...

– Я сказал: пошли отсюда! Это – частная территория!

К сожалению, уверенности в голосе сторожа не прибавилось, потому он автоматически начал отступать назад. В один момент шаги прекратились – оборвались, будто этот человек или монстр, или подросток, или невесть кто ещё, куда-то испарился, просто вывалился из пространства.

Геннадий слышал собственное сердце, которое колошматило в груди из последних сил. Он опять услышал, как заскрипела входная дверь, и в ужасе воззрился туда. Уличный вечерний свет серел отсюда, и сторож двинулся туда, к выходу.

Силуэт человека появился в проходе молниеносно, отчего Геннадий испуганно вскрикнул. Вошедший же растворился во тьме склада, и луч фонарика в очередной раз безуспешно заскакал по сторонам, разыскивая неприятеля. Сторож сам чувствовал, что его собственные глаза вот-вот выскочат из орбит.

Комок застрял у Геннадия в горле – ещё силуэты начали появляться в проходе, запрыгивать внутрь склада.

– КТО ВЫ ТАКИЕ?! – заорал сторож, размахивая фонариком, как световым мечом.

Растворившиеся неприятели ничего не сказали, но топот многократно усилился, словно сюда по складу бежала толпа.

Зубы Геннадия принялись выбивать мелкую дрожь... Пальцы заостенели совершенно, и он уцепился за фонарь своей единственной рукой, как ухватился бы утопающий за

соломину. Ветер выл, визжал с утроенной силой, дверь скрежетала... Ставень принялся гроыхать опять.

Сторож только захотел побежать к выходу, но... Резкий стук в одном из ящичков заставил его споткнуться и упасть. И крики – приглушённые, неразборчивые. Кто-то лежал в одном из ящичков и молотил кулаками по крышке. Чуть позже подключились и другие ящички. Где-то стучали кости – Геннадий мог поклясться, что явственно слышал это.

«Открой... Открой! Открой!...»

Утробный голос звучал у него в голове. Непреодолимая сила будто вселилась в сторожа и пыталась направить его к деревянным сооружениям, но он упирался изо всех сил... Упал, поднялся. И всё ж побежал к выходу. Ноги его будто налились свинцом.

Луч фонаря внезапно наткнулся на почти истлевшего человека, оказавшегося прямо перед ним. Его лицо с чёрными глазницами СМОТРЕЛО прямо на Геннадия.

– Открой ящик! – рявкнул человек, и сторож попытался сбежать снова, но его сбили с ног неведомые силы.

Тени роились кругом. Рядом звякнуло что-то металлическое – одно из существ бросило рядом с Геннадием небольшой ломик.

Он сам не сознавал, что делает, но медленно поднялся с пола и фонарём осветил на лом. Наклонился, поднял его... Взялся неуклюже, одной рукой... Тени голосили, кричали, в ящичках стучали. Всё ходило ходуном, склад будто ожил НА

САМОМ ДЕЛЕ.

Сторож покорно проковылял к ближнему ящику и бросил фонарь на крышку, оставив только лом в руке.

Лязгнул замок, на который обрушился удар... Пока что слабый, но следующий оказался сильнее и сбил железку на пол... Геннадий наклонился и рывком распахнул крышку ящика...

Хоть фонарь и отлетел в сторонку, сторож отчётливо увидел, что в ящике лежит человеческое чучело... Блондин в красной рубахе с выразительными глазами. Кожа на лице его жутко натянута.

Ужас пронизывал Геннадия насквозь, но он пошёл и сбил ещё замок – с другого ящика,

только квадратного. Там были кости – череп, рёбра. Позвоночник.

«Кто это будет покупать здесь?.. Провинциальное место».

Сторож подхватил фонарик и сделал ещё одну отчаянную попытку выбраться отсюда... На этот раз призраки его пустили, но шума не убавили. Грохотали и выли злее ветра.

На улице вовсю разразилась пурга – снег полетел колючими пятнами во все стороны, а порывы ветра забирались за шиворот. Огонёк коморки кладовщика казался отсюда казался необычайно далёким... Ноги задеревенели окончательно, а из горла выдирались хрипы. Но Геннадий упорно шёл.

Он собирался постучать спокойно, но яростно забараба-

нил в дверь. Пытался прислушаться, но октябрьская пурга всё поглощала... Но Янович, естественно, был там и открыл. Его злые блестящие глаза говорили о том, что он так и знал, что этот мальчишка испугается чего-нибудь и прибежит плакаться посреди ночи...

– Там чучела людей! И кости! Кости людей! – истерично выкрикнул Геннадий. – Надо звонить в полицию!

Янович замер на мгновение, вероятно, пытаясь определить степень сумасшествия, кое приключилось с его новым сторожем.

– Что? Что ты такое говоришь? Откуда ты знаешь?!

– Я вскрыл ящики! – с необъяснимой весёлостью ответил Геннадий, будто он был математиком, решившим сложную загадку, за которую обещан немалый денежный приз. – Я вскрыл их... Там чучела людей! Кости людей! А не животных!..

– Ужас! – крикнул Янович и будто хотел задать вопрос «зачем ты это сделал?!», но решил оставить его на потом. – Давай, заходи! Вон телефон, звони... Я оденусь пока.

Кладовщик отошёл в сторону, и Геннадий поспешил юркнуть за ним в его тёплую полутёмную каморку, отапливаемую «буржуйкой»... Телефон – проводной – стоял на столике в уголке и выглядел очень несуразно и инородно. Новопечённый сторож прошёл к нему и поднял трубку.

Янович тем временем напяливал на себя куртку, сорванную с вешалки...

Ничего в трубке не звучало, только тишина. Но Геннадий не успел ничего сказать, даже не успел обернуться, только смог заметить, что провод у этого телефона болтается абсолютно беспризорно – с него никому не дозвонишься.

Охотничий нож, вытащенный из надетой куртки, вошёл ему в спину, крепко, рассекая одну из почек пополам. Рёв его никто не услышал... Озлобленный Янович тащил его тело на улицу, оставляя кровавую полосу позади...

– И кто же тебя купит-то теперь? Попортил я тебя, попортил... – причитал Янович, кряхтя от натуги.

Ветер снова принялся завывать, а снег полетел пуще прежнего.

Пятница, 13 – 21 октября 2023 г.